

Е.С. Соколова
Екатеринбург

НАУКА «ПРИКАЗНЫХ ДЕЛ»: О ПРАКТИЦИЗМЕ РОССИЙСКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ XVIII СТОЛЕТИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Закон об образовании, законодательная политика, высшее юридическое образование, европейское Просвещение, учебные программы, сословия, «государственный интерес».

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена выявлению историко-правовых особенностей законодательной политики Российского государства в области моделирования образовательной стратегии подготовки юридических кадров для высших государственных учреждений. Анализируется соотношение между западной просветительской научно-педагогической доктриной начала XVIII столетия и концептуальной основой законодательства Петра I и его преемников о профессиональном образовании, обслуживающем потребности верховной самодержавной власти в квалифицированных чиновниках. На основе изучения эволюции учебных программ по юриспруденции для школы юнкеров при Сенате и Кадетского корпуса, автор приходит к выводу об утилитарной природе сословной образовательной парадигмы в России периода Нового времени, в том числе и ее ценностно-мировоззренческих установок. Автор придерживается мнения об опосредованности ряда социокультурных концептов ныне действующего федерального Закона об образовании историческим опытом российского нормотворчества.

E. S. Sokolova
Yekaterinburg

SCIENCE "WRIT OF AFFAIRS": ABOUT THE PRACTICALITY OF THE RUSSIAN LEGISLATIVE POLICY OF THE XVIII CENTURY IN THE FIELD OF HIGHER LEGAL EDUCATION

KEY WORDS: the Education Act, the legislative policy, law degree, European Enlightenment, curriculum, estates, "the public interest".

ABSTRACT. The article focuses on the historical and legal character-

ristics of the legal policy of the Russian state in the field of modeling of the educational strategy of training for legal personnel of the Supreme state agencies. Analyzes the relationship between Western educational research and the pedagogical doctrine of the beginning of the eighteenth century, the conceptual basis of the legislation of Peter I and his successors on the professional education that serves the needs of the Supreme autocratic power in qualified officials. Based on the study of the evolution of educational law programs for school cadets during the Senate and of the Cadet corps, the author comes to the conclusion about the utilitarian nature of class of the educational paradigm in Russia during New time, including value-worldview settings. The author's view about the mediated of a number of socio-cultural concepts of the current Federal education Act of the Russian historical experience of the rulemaking.

Одна из существенных социокультурных особенностей действующего федерального Закона об образовании от 29 февраля 2012 г. - сугубая утилитарность заявленного в нем компетентностного подхода к интеллектуальному и духовному развитию личности. Законодатель определяет образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства...» (10. Ст. 2. П. 1). Основная цель образовательной деятельности сведена, таким образом, к формированию у обучающихся лиц совокупности приобретенных знаний, умений и навыков, необходимых для профессионального развития человека. Ценностная парадигма государственной политики в сфере образования ориентирована на создание условий для такого самоопределения личности в социуме, когда ее творческий потенциал не выходит за рамки общепринятых стереотипов мышления и нивелируется в соответствии с базовыми стандартами функционирования системы.

Юридическая трактовка предмета регулирования федерального закона, превращающего интеллектуальную деятельность в институт образовательных услуг, вызывает много нареканий в научно-педагогической среде. Ее противники справедливо сетуют на потерю духовного контакта между Учителем и Учеником, апеллируя при этом к классическим образцам отечественной педагогики в их «подвижнической» интерпретации. Между тем, исторический опыт законодательной политики Российского государства в сфере образования свидетельствует об изначальном наличии серьезных про-

тиворечий между корпоративным самосознанием профессорско-преподавательской элиты и прагматическими устремлениями законодателя.

Причина отсутствия единства между верховной властью и обществом по вопросу о сущности и функциях образования, в том числе и профессионального, коренится в изрядной доле государственного патернализма, по разным причинам определяющего с начала XVIII столетия и по сей день суть большинства официальных нормотворческих инициатив социокультурной направленности. Изначально ведущая роль в моделировании путей и методов установления всестороннего государственного контроля за развитием интеллектуального потенциала личности принадлежала таким историческим факторам, как ускоренная модернизация общества, экономики и государства при сохранении доминирующей роли верховной власти в ее проведении на фоне дробной и неустойчивой социальной стратификации. После 1917 г. к таковым, наряду с дальнейшей маргинализацией населения, добавились трудноразрешимые геополитические противоречия с Западом. На идеологическом уровне попытка их преодоления осуществлялась при помощи концептов «западной агрессии», «осажденной крепости», информационными войнами и перманентной тенденцией к консервации «закрытого общества», в том числе, и в интеллектуально-культурной сфере.

Пример государственного утилитаризма в регулировании профессионального образования хорошо прослеживается в историко-правовом сюжете, посвященном эволюции института подготовки юридических кадров для гражданской службы. На протяжении первой половины XVIII в. будущие чиновники петербургских коллегий обучались в «юнкерской школе», организованной по инициативе Петра I для незначительного количества дворянской молодежи при Сенате в целях достижения синтеза между практической направленностью и теоретической основой юридического образования. Выбор в пользу его корпоративной модели определялся последовательным развитием тенденции к сословной организации Российского государства периода Нового времени. Ее активное продвижение на законодательном уровне преследовало охранительную цель и мотивировалось идеологией и соображениями «общего блага».

В комплексе нормативно-правовых актов, утвержденных Пет-

ром I с 1718 по 1722 гг., основная составляющая «коллежского образования» была определена как тождество «гражданских и экономических дел». Законодатель намеренно подчеркивал прикладной характер обучения определенных на службу в коллегии молодых дворян, обязанных в перспективе содействовать «к прибыли империи и экономии» (1. С. 175). Таким образом, образовательная парадигма, намеченная Петром I и его ближайшими сподвижниками, была продиктована кадровыми потребностями коллегиальной системы управления и спецификой административной деятельности каждой коллегии. В мемориале Генриха Фика, поданном на высочайшее рассмотрение» в 1718 г., говорилось о необходимости формирования условий для заполнения вакансий во вновь создающихся государственных учреждениях «природными» подданными российской короны. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, этот проект вызвал одобрение Петра I своим ярко выраженным акцентом на развитие профессионального образования, особенно в «приказно-юридической сфере» (1. С. 149). Аналогичные принципы организации отраслевого обучения, предназначенного для того, чтобы каждое сословие могло обеспечить свой вклад в обеспечение «государственного интереса», встречаются и в других проектах первой четверти XVIII в.

Утилитарная направленность подготовки квалифицированных юридических кадров для работы в коллегиях сказалась и на разработке учебных программ. До 1761 г. законодатель ограничивался определением минимума учебных дисциплин, предусмотренных для юнкерских школ. При Елизавете Петровне Сенат постановил, что сущность юридического образования заключается в обучении «письму и всем делам, принадлежащим с самых нижних приказных дел, и что касается знания государственных прав...» (1. С. 175 – 176; 6. П. 1 – 2. С. 82; 7. С. 141 – 143; 8. П.4. С. 588). Особое внимание уделялось изучению действующего законодательства и канцелярскому делопроизводству. Теоретическая основа обучения состояла из грамматики и комплекса математических наук, знание которых являлось необходимым условием для коллегиальной службы. В ряде случаев по представлению высшего коллежского начальства «коллегии-юнкеры» изучали европейские иностранные языки, историю и географию (9. С. 344). Столь явный приоритет практического концепта обучения в значительной степени низводил юнкерские школы до уровня цифирных, что ставило дворян-

ских недорослей в один ряд с подьячими первой четверти XVIII в., обязанных с 1721 г. обучаться «приказным делам».

В то же время законодатель сознавал необходимость разграничения высшего и среднего юридического образования хотя бы по целям обучения. Устав о коллежских юнкерах 1752 г. закрепляет основное квалификационное требование к выпускникам юнкерской школы, которые по окончании курса «...сами могли действительно править приказные дела» (1. С. 176). С начала 1740-х гг. аналогичные принципы были использованы в именных и сенатских указах о соотношении подготовительного и специального образования для учащихся кадетского корпуса, проявивших склонность к государственной службе. Просветительская модель образования, проводником которой в среде российской политической элиты начала XVIII столетия был Г. Лейбниц, до известной степени нашла свое воплощение в Московском университете, где характер учебных программ по юриспруденции во многом определялся представлением о ценностном потенциале научного взгляда на окружающий мир и общественные отношения.

Существует мнение, согласно которому разработанный Лейбницем проект непрерывного трехступенчатого образования, в котором университеты представляют собой переходную ступень к научно-теоретическому обучению в академии, отличался ярко выраженным стремлением к профессионализации образовательных стратегий (1. С. 152 – 154; 5. С. 25 - 45). Это не совсем так. Общая направленность российского нормотворчества в области регулирования сферы профессионального обучения, несомненно, сложилась под воздействием некоторых положений теории Лейбница. Его проект, в частности, опирается на концепцию «общего блага» и на этом основании предусматривает вмешательство государства в сферу воспитания и образования личности. Тем не менее, Лейбниц, как и большинство германских просветителей, был убежденным сторонником естественно-правового идеала и ограничивал правотворческую активность верховной власти природной склонностью человека к самоусовершенствованию. В его трактовке высшая цель образования заключается в обретении индивидом внутренней духовной свободы, исключаящей возможность государственного принуждения по отношению к гармонично развитой личности, осознающей свой нравственный долг перед обществом.

С одной стороны, внедрение столь масштабного проекта в за-

конотворчество противоречило утилитарным потребностям самодержавного государства, которое на протяжении XVIII в. функционировало в условиях недостаточной централизации власти, нехватки квалифицированных кадров и громоздкости бюрократического аппарата. С другой стороны, нет достаточных оснований для вывода о полном отказе российских законодателей от мировоззренческих аспектов в деле обучения юриспруденции. Как показали исследования М. Ф. Владимирского-Буданова и ряда других авторов, идеи естественного права активно транслировались на протяжении 1740-1760-х гг. приглашенными из германских земель профессорами (1. С. 180 – 185; С. 4. С. 38 – 40). Добавлю, что ранее естественно-правовой идеал привлек внимание Петра I, который приказал перевести на русский язык книгу С. Пуффендорфа «Об обязанностях человека и гражданина», но при этом придерживался в своей законодательной политике «полицейской» трактовки ее теоретических положений.

Реализация курса российских самодержцев на обеспечение принципа законности происходила в рамках модели регулярного сословного государства, уходящей своими гносеологическими корнями в немецкое Просвещение и петровские реформы первой четверти XVIII столетия. Эффективность данного начинания в немалой степени зависела от умения законодателя учитывать политико-правовые «вызовы» времени и социокультурную ситуацию. Например, к концу XVIII в. очевидной стала несостоятельность надежд на быстрое преодоление кадровой «лакуны» при помощи университетского образования, всесословность которого первоначально отпугивала дворянство. В этой ситуации Павел I продемонстрировал относительную гибкость образовательной политики, проявив интерес к проекту открытия Дерптского университета, где предполагалась подготовка юристов (3. С. 104 – 105). В целом же, он предпочел на первых порах пойти по уже проторенному пути сословного образования.

На основании именного указа от 1 января 1797 г. была восстановлена закрытая в 1763 г. школа юнкеров. Такие же учебные заведения планировалось открыть и при восстановленных столичных коллегиях, за исключением Военной и Адмиралтейской. В целях пополнения государственного аппарата образованной дворянской молодежью Павел I повелел основать порядок их обучения и дальнейшего «помещения на вакансии» в соответствии с законодатель-

ными положениями «Табели о рангах» о производстве в чины по выслуге.

Стремясь к преодолению сословных предрассудков, связанных с широко распространенным в дворянской среде представлением о низком социальном престиже канцелярской службы, Павел в виде исключения внес некоторые коррективы в порядок чинопроизводства для тех, «кои окажут довольное успеяние в познании» наук. В частности, он предписал сразу же «помещать» дворянских юношей, не владеющих необходимыми для обучения в юнкерской школе навыками в титулярные юнкеры. Это было первым шагом для получения нижнего классного чина, который приобретался через два года при условии успешного прохождения курса наук. Молодые дворяне, успешно сдавшие вступительный экзамен, показав при этом «довольное знание и искусство в предметах к обучению им назначенных», должны были сразу же производиться в коллегии-юнкеры. По мере обучения в школе и после ее окончания планировалось присваивать им новые чины в зависимости от проявленных успехов (2. С. 23 – 24).

В качестве юридической основы дальнейшего чинопроизводства способных юношей Павел I повелел опираться на комплекс екатерининских указов 1760 - 1790 гг. о прохождении гражданской службы лицами из дворян, согласно которому образованные чиновники имели приоритет при распределении вакансий и в порядке выслуги. Таким образом, модернизируя законодательство предшествующего периода, Павел I не только позаботился о создании кадрового резерва для статских служащих, но и повысил социальный статус государственной службы. Это не только формировало стимул для повышения качественного уровня домашнего образования дворянских недорослей, но и увеличивало приток желающих посвятить себя бюрократической карьере.

По подсчетам ряда исследователей, к 1799 г. количество дворян, поступавших на службу в гражданское ведомство, выросло настолько, что это обстоятельство в значительной мере способствовало установлению законодательных ограничений. В качестве дополнения замечу, что тенденция к сохранению приоритетного значения военной сферы над статской сохранялась на протяжении всего царствования Павла I и составляла концептуальную основу сословного законодательства. Этому способствовали как исторически обоснованное убеждение «романтического» императора в на-

личии военно-служилой природы дворянского звания, так и комплекс сопутствующих причин. К их числу, следует отнести, прежде всего, крайнее обострение международной обстановки в Европе, вызванное военной активизацией революционной Франции и постепенным кризисом монархического идеала под воздействием быстрого распространения западного конституционализма.

Помимо этого, сословный идеал феодального типа полностью соответствовал реставрационному потенциалу внутривластного курса павловского царствования. Не следует забывать и о том, что еще до своего восшествия на престол Павел I выказывал серьезную озабоченность международным положением России, придерживаясь мнения о необходимости достижения равновесия интересов между ее европейскими союзниками, что вполне вписывалось в традиционную доктрину российской внешней политики XVIII в. и требовало наличия боеспособной армии.

Так или иначе, но инициатива Павла I в области подготовки квалифицированных кадров гражданской службы дала мощный импульс для развития сословного юридического образования в условиях отсутствия разветвленной университетской системы и неготовности дворян обучаться вместе с разночинцами. Учреждение юнкерских школ было поручено генерал-прокурору князю А. Б. Куракину. Кроме того, ему предстояло разработать проект образовательной деятельности и обеспечить надзор за качеством обучения дворянских юношей. Передача этих функций одному лицу серьезно осложняла возможность открытия дворянских учебных заведений в обеих столицах, так как в значительной степени высочайшая инициатива носила характер личного поручения. Хорошо понимая это, Павел I был вынужден согласиться на предложение Куракина ограничиться учреждением школы при канцелярии Санкт-петербургских департаментов Сената. Основная идея генерал-прокурора заключалась в том, что «ближайший за школою присмотр и самое обучение Юнкеров будет благоуспешнее» (2. С. 23).

Содержание разработанной генерал-прокурором Куракиным и высочайше утвержденной программы «образования благородных чиновников...» свидетельствует о том, что ее надзорный компонент рассматривался законодателем в качестве краеугольного камня правительственной политики в области подготовки квалифицированных кадров. В этом документе была сконцентрирована вся

официальная образовательно-педагогическая парадигма павловского времени, направленная на формирование у будущих чиновников-дворян государственно-правового идеала для последующей реализации доктрины «общего блага» на основе законности.

Законодательно закрепленная в Положении о юнкерской школе двухуровневая система специального образования преследовала цель сформировать у молодых дворян понимание юридической сущности принципа верховенства закона и механизма его действия применительно к государственно-правовой системе самодержавия. «Науки звания, - отмечал А. Б. Куракин, - имеют быть Юридические, и потому Правоведение или Юриспруденция долженствует быть главным предметом учения в сей учреждаемой школе... (имеется в виду звание государственного чиновника – Е. С.) (2. С. 24)».

Принято считать, что программа обучения юнкеров, высочайше утвержденная 14 января 1797 г., отличалась узкопрофессиональной направленностью и не содержала мировоззренческих аспектов. В известной мере эта точка зрения возникла под влиянием источников личного происхождения и историко-правовых трудов конца XIX в., где основной акцент сделан на выявление профессионально-педагогической стороны преподавания правовых дисциплин. Однако соображения, высказанные князем Куракиным в обстоятельном докладе о принципах преподавания юридических наук во вновь учреждаемой школе, заслуживают внимания своей концептуальностью. Ход его мыслей демонстрирует не только хорошее знание основ педагогической науки периода Просвещения, но и наличие целеполагающего начала в расположении «предметов учения» по классам четырехгодичного курса наук.

На государственной службе Куракин зарекомендовал себя как сведущий чиновник с хорошим практическим опытом. Те же качества он вполне обоснованно считал необходимыми для образованного выпускника учебного заведения, дающего специальную правоведческую подготовку. По проекту Куракина обучение на высшей, юридической ступени школы юнкеров должно было иметь практическую направленность, позволяющую достичь равновесия между теоретическим знанием «гражданских законов» и профессиональными навыками. В частности, предполагалось, чтобы под руководством учителя «учащиеся ... сочиняли прошения, извлекали из дел экстракты, выписывали приличные к делам законы ... и упражнялись бы во всем, что до приказного порядка и дел касает-

ся» (2. С. 26).

В то же время Куракин проявил себя сторонником введения на низших ступенях правоведческого школы широкого курса «общих наук», необходимого для успешного приобретения профессиональных знаний. По его словам, «многие права и законы предполагают знание Истории и Географии, не только отечественной, но и других Государств». В перечне наук, без которых не может обойтись судья, Куракин особое место отводил логике, «научающей здраво мыслить и отличать ложное от истинного». Самое же почетное место в подготовке учащихся к «классу Юридическом» было отведено преподаванию «Нравоучения», состоявшего из основ Катехизиса в комплексе с «изъяснением должностей человека и гражданина» (2. С. 27). Эта учебная дисциплина, которая в учебных программах сословных учебных заведений, гимназий и университетов первой половины XIX в. получила название курса нравственных наук, синтезировала в себе основы нравственного учения христианства и умеренный вариант политической философии Просвещения. Ее истоки можно обнаружить в образовательных проектах и законодательстве екатерининского времени, наряду с многочисленными памятниками просветительской политико-правовой мысли, включая знаменитую книгу «О должностях человека и гражданина».

Даже самое беглое знакомство с программой преподавания Нравоучения, изложенной в докладе Куракина, позволяет увидеть в ней не декларативное заявление, а хорошо продуманную концепцию воспитания идеального подданного, доставшуюся Павлу I в наследство от предшествующего царствования. Показательно, что неоднократное обращение докладчика к политико-правовому языку эпохи Просвещения, не вызвало со стороны Павла I никаких возражений, несмотря на его демонстративное неприятие западных интеллектуальных веяний по мере укрепления революционного порядка во Франции. В значительной степени это обстоятельство объясняется намеренной трансформацией смысловых оттенков 1790-х гг. в интерпретации понятия «гражданин», основанной на полном отказе от радикализации его значения в якобинском ключе.

Транскрипция теории гражданства, предложенная в докладе Куракина, была хорошо известна Павлу I по сочинениям французских просветителей умеренного направления и из Большого Наказа Екатерины II. В том же концептуальном значении она использова-

лась сторонниками дворянского конституционализма, включая Никиту и Петра Паниных, присутствовала в екатерининском законодательстве и фигурировала в сочинениях ряда лояльно настроенных к самодержавию российских юристов второй половины XVIII столетия. В докладе Куракина «гражданин» - это подданный Российского государства, добросовестно исполняющий законодательно закрепленные обязанности своего звания. В этом отношении его рассуждения весьма близки к своим классическим аналогам. Говоря современным языком, Куракин определяет гражданство как состояние правосубъектности, но, в отличие от просветительской традиции, не спешит наделить граждан России неотъемлемыми правами, акцентируя внимание лишь на их обязанностях перед государством.

Конструируя теоретическую основу преподавания «нравственной науки» будущим чиновникам, автор доклада, прежде всего, ставит вопрос о том, как подготовить «растущего гражданина ... к исполнению должностей» и укрепить в нем волю к повиновению законам. В рассуждениях Куракина по этому поводу нетрудно увидеть перефразированную концепцию «общего блага», заимствованную из политико-правовой традиции периода правления Петра Великого. В частности, докладчик выказывает себя сторонником приоритета государственного интереса над частным благополучием. Последнее, по его словам, будет обеспечено лишь в том случае, когда у каждого гражданина возникнет уверенность, «...что он, исполняя свою должность, свое собственное благо созидает ... » (2. С. 25).

В конце XVIII в., подобная мысль, вошедшая в законодательство Российской империи под воздействием раннепросветительской доктрины «полицейского государства», пользовалась большой популярностью у приверженцев модели государственного патернализма в качестве противопоставления разгулу революционной стихии. Ее генетическая взаимосвязь с классической моделью «просвещенного абсолютизма» обеспечивалась на уровне общего для всех политико-правовых конструкций подобного рода представления о решающей роли принципа законности в укреплении политического единства верховной власти суверена-монарха и его подданных.

Конструкция «законной монархии», взятая за основу организации учебно-воспитательного процесса в школе юнкеров, существ-

венно отличалась в концептуальном отношении от теоретической парадигмы предшествующего царствования отсутствием естественно-правового компонента в области наделения сословий неотъемлемыми правами имущественного и личного характера. В целом, она вполне соответствовала законодательному курсу Павла I на нивелировку сословных интересов и возрождение «тягловой» природы российской социальной стратификации. Санкционированная им система воспитания дворянской молодежи основывалась на жесткой дисциплине, соблюдение которой должно было обеспечиваться в результате «неусыпного над школой наблюдения». Ее полезность мотивировалась в докладе Куракина пользой для юношества, которое «от младых лет привыкнет наблюдать свою должность и ее уважать» (2. С. 29). Следует отметить, что активное участие Павла I в комплектовании контингента учащихся школы юнкеров и его придирчивость по отношению к кандидатам вызвались некоторыми организационными недочетами.

В научной литературе допущенные в 90-е гг. XVIII в. ограничения в отношении дворян, желавших подготовить своих сыновей к гражданской карьере, обычно оцениваются как свидетельство намеренного стремления «романтического императора» возродить в полном объеме военную службу дворянства. Однако наряду с этим обстоятельством следует учесть, что до своей реорганизации в Высшее училище правоведения, школа юнкеров имела весьма скромные масштабы и, в первую очередь, готовила кадры для Сената, герольдии, генерал-рекетмейстерской конторы и коллегий. Об ограниченности вакансий для лиц, получивших при выпуске ранг и звание коллегии-юнкеров, говорилось уже в докладе Куракина, по подсчетам которого в соответствии со штатным расписанием 1796 г. в столичных государственных учреждениях было предусмотрено всего 27 юнкерских мест. Учитывая возможность отсутствия «праздной» вакансии даже для выпускников, успешно окончивших учебный курс, Павел I одобрил 14 января 1797 г. предложение Куракина определять их в случае необходимости «в какую-нибудь канцелярскую должность», что, в принципе, затрудняло возможность дальнейшего чиновничества (2. С. 28).

Таким образом, вопреки активизации на прожектерском уровне мировоззренческого компонента образовательных стратегий, приоритетным направлением государственной политики в области подготовки юридических кадров для гражданской службы оставал-

ся утилитарный поход к составлению учебных программ по юриспруденции. «Смена веков» пришлось на первую треть XIX в., когда была завершена централизация властно-управленческих структур Российской империи, возрос ее международный престиж, изменился социокультурный статус гражданской службы и наряду с дальнейшим развитием сословных учебных заведений закрытого типа стала формироваться система высшего университетского образования, ориентированного на взаимодействие юридической науки и практики. Однако и в этом случае тон задавался потребностями «государственного интереса», который по мере развития охранительного начала правовой политики Российского государства концентрировался в сфере выявления исторической основы действующего законодательства, и в, основном, сводился к поиску путей сохранения правового традиционализма в условиях модернизации. Данная особенность хорошо прослеживается на примере эволюции учебных программ по юриспруденции, основной доминантой которых к середине XIX в. становится изучение действующего законодательства без учета историко-правовой специфики национальных регионов и теоретико-методологической составляющей принципа законности.

Литература:

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII-го века. Ч. I. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль: тип. Г. В. Фальк, 1874. - VI с., 330 с. (с паг.).

2. Законодательство 1797 года. 14 января. Высочайше утвержденный доклад Генерал-Прокурора. «Об учреждении школы при Канцелярии Санктпетербургских Департаментов Сената для обучения Юнкеров». Положены школы при Сенате для Юнкеров // Законодательство императора Павла I / Составитель, автор предисловия и биографического очерка В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. С. 23 – 29.

3. Зипунникова Н. Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2009. 440 с.

4. Кодан С. В. Формирование и становление юридического образования в России: от законоискусства к правоведению (XVII – первая половина XIX вв.) // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство». Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. –

XX в.) / Под общей ред. В. В. Захарова, Н. Н. Зипунниковой. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. С. 34 – 66.

5. Пекарский П. Наука и культура при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю Просвещения в России. СПб: изд-е Товарищества «Общественная Польза», 1862. – VI с., 578 с. (с паг.).

6. – 1737. - № 7201. – Марта 6. Резолюция Кабинет-Министров на доклад Сената. – О правилах определения недорослей к приказным делам // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. I. СПб., 1830. Т. X. С. 81 – 83.

7. – 1737. - № 7248. – Майя 11. Сенатский. – Об определении недорослей в Сенат и в другия присутственные места; о порядке обучения их приказным делам и наукам и о смотреии за успехами их и нравственностию // ПСЗ I. СПб., 1830. Т. X. С. 141 – 143.

8. – 1752. - № 9928. – Генваря 20. Сенатский. – О Коллежских Юнкерах, о их рангах, звании, жаловании, производстве и обучении, с приложением формы рапортов, каковыя о сих Юнкерах Коллегии должны присылать в Правительствующий Сенат // ПСЗ I. СПб., 1830. Т. XIII. С. 587 – 589.

9. – 1755. - № 10389. – Апреля 3. Сенатский. – О обучении находящихся в Коммерц-Коллегии и Санктпетербургской Таможне юнкеров Немецкому и Французскому языкам в Академии Наук // ПСЗ I. СПб., 1830. Т. XIV. С. 344.

10. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant/70291362>